

УДК 37.013.78

ББК 74.65

Ф 43

З.К. Ферхатова

Чишмай Пшунелов – гимназист, педагог, просветитель и публицист (дореволюционный период жизни и деятельности)

(Рецензирована)

Аннотация:

В статье прослеживаются этапные периоды жизни и деятельности адыгского просветителя Чишмая Тоховича Пшунелова, раскрывается генезис становления его мировоззрения в годы юности в период учебы в Ставропольской классической мужской гимназии, а также в процессе педагогической, просветительской и общественно-публицистической деятельности.

Ключевые слова:

Ч. Т. Пшунелов, Ставропольская гимназия, мировоззрение, педагог, организатор, просветитель, общественная деятельность, публицист, гуманист, политическая корректность.

Отец Чишмая, Тох (Тэхъу – хьаджэ), человек, хотя и малограмотный, но от природы проницательный и мудрый, заметил и старался всячески поощрять весьма рано пробудившиеся в сыне пылкий ум и жажду знаний. Когда после окончания урупского училища перед Чишмаем встал вопрос о необходимости продолжения образования, именно по совету и настоянию отца он поступил в Ставропольскую мужскую гимназию – одно из лучших и престижных учебных заведений Юга России.

В гимназию принимали детей горских дворян, офицеров и чиновников, лиц, имевших известные заслуги перед русским правительством. Сам факт поступления простолюдина черкеса в это привилегированное учебное заведение являлся поэтому исключительным, если не единственным в своем роде. Он мог лишь свидетельствовать в пользу юного Чишмая Пшунелова, уровнем своих познаний, незаурядными способностями и подготовкой удивившем учебное начальство и заставившем его отступить в данном случае от принятых строгих сословных ограничений. Чишмай учился старательно, с большим желанием, добивался замечательных успехов в освоении знаний и наук сложного классического цикла, сполна оправдав «кредит доверия», в свое время выданный ему дирекцией гимназии. По воспоминаниям дочери, в их семейном архиве хранились похвальные грамоты и благодарности за

достигнутые успехи в обучении и воспитании, полученные отцом – гимназистом от администрации учебного заведения.

Годы пребывания в стенах Ставропольской гимназии многое дали и во многом предопределили дальнейшую судьбу Чишмая Пшунелова. Вместе с аттестатом о гимназическом образовании он получил здесь и специальность учителя начальных городских и сельских училищ, т.е. народного учителя. В некоторых общеобразовательных учебных заведениях дореволюционной России имелись специальные, так называемые педагогические классы, предоставлявшие возможность получения выпускниками профессии учителя при наличии хорошего аттестата, соответствующих к этому занятию склонностей и, разумеется, желания с их стороны. Инициатива учреждения подобного класса в Ставропольской гимназии принадлежала Я.М. Неверову – видному деятелю просвещения, в 1850-60-е гг. возглавлявшему учебное заведение.

Окончив в 1909 году гимназию и успешно выдержав испытания на звание народного учителя, Пшунелов приступает к активной трудовой деятельности на избранном поприще. Некоторое время он учительствует в школе а. Кургоковский. Вскоре распоряжением директора народных училищ Кубанской области молодой педагог назначается заведующим Урупским сельским нормальным училищем и

возвращается в родной аул. Преподает в школе общеобразовательные предметы. Здесь уместно сказать, что на сегодня известны имена лишь четверых народных учителей-адыгов, трудившихся в начале века в аульских министерских школах Кубанской области: Анчок Шемгохов, Нох Цеев, Сафербий Сиюхов и Чишмай Пшунелов – первопроходцы и подвижники национального просвещения, представители еще только формировавшейся адыгской учительской интеллигенции.

Ко времени работы в урупском училище относится и начало общественно-просветительской деятельности Пшунелова. Причин для общественной активности, публичного проявления своих гражданских чувств и убеждений у лучшей части национальной интеллигенции в этот исторический период было более чем достаточно. Особое беспокойство вызывало бедственное положение народного образования, отсутствие достаточного количества школ и просветительских учреждений. Пшунелов выступает на страницах местной печати с изложением собственных взглядов на постановку школьного дела среди горцев, исходя при этом из своих личных наблюдений и опыта непосредственной учительской работы. В его публикациях предложен целый комплекс мероприятий, продуманный до мелочей проект по преобразованию и реформированию существующей системы «инородческого» образования. Наибольший интерес для нас представляет статья «Горцы Кубанской области и образование», помещенная в одном из номеров «Кубанской школы» – местного учительского журнала, с которым плодотворно сотрудничал и другой деятель адыгского просвещения – Сафербий Сиюхов. В относительно небольшой, но весьма содержательной публикации педагог обращает внимание властей и учебного начальства на плачевное состояние народного образования в крае, поднимает злободневные проблемы сельской школы, предлагает пути и методы повышения качества обучения, рационализации учебно-воспитательного процесса, улучшения материального положения как самих школ, так и учителей, в них работающих.

Красной нитью в этой и других статьях Пшунелова проходит мысль о необходимости и исключительной важности при постановке школьного дела среди горцев обязательного

учета специфических местных условий и традиций, национально-бытовых и религиозно-психологических особенностей населения. Звучали в ней и конкретные предложения – учредить, в частности, в регионе национальную учительскую семинарию, которая выпускала бы педагогов для горских школ. Другая насущная потребность – в открытии специального учебного заведения, предназначенного для подготовки учителей мусульманского вероучения – коренное население испытывало острую нужду как в народных учителях из своей среды, так и в профессионально подготовленных вероучителях. В последнем случае, Пшунелов высказывался как убежденный сторонник так называемого новометодного образования: «...в этом, училище (медресе – Авт.), кроме наук религиозных, должны преподаваться и науки светские – общеобразовательные, ибо духовной жизнью народа должны вестись не узкие профессионалы, а широкообразованные люди...». [5].

Нуждались горцы и в ремесленных училищах, и в учебных заведениях повышенного типа. «Школа, – писал педагог в те годы, – это самый верный и скорый путь к культуре, к прогрессу и к богатству», необходимо «поставить ее на нормальный путь, на подобающую высоту», и тогда она начнет, наконец, «удовлетворять духовные запросы способного и даровитого народа...» [5]. Подобная вера в высокое предназначение школы и ее преобразующую роль в общественной жизни была присуща многим деятелям национального просветительства и передовой адыгской интеллигенции начала века.

Столь же высока и ответственна миссия народного учителя – основного и, зачастую, единственного проводника культурных начинаний, передовых идей и достижений научной мысли, подлинных духовных и нравственно-этических ценностей в широкие народные массы. «Учитель должен быть не только учителем ребятишек, но и учителем их отцов..., не только должен на словах поучать, но и на деле подавать пример...», – читаем в другой статье Ч. Пшунелова [7]. «Человек только тогда живет, – провозглашает просветитель свой нравственно-этический идеал в той же публикации, – когда в помощи меньшему брату своему находит душевную радость...» [7]. Гуманистиче-

скими идеями проникнуто все публицистическое творчество Пшунелова дореволюционного периода. Важнейшая тема, которую не мог обойти в связи с этим Пшунелов – публицист, – взаимоотношения горского и казачьего населения края. Он, как и упоминавшийся выше Сафербий Сиюхов, убежден был в необходимости скорейшего и окончательного примирения, ратовал за совместный поиск и выработку «модус вивенди» – новой «формулы жизни» и взаимного сосуществования, достойной недавних непримиримых противников, коих историческая судьба сделала ближайшими соседями и согражданами. Ч. Пшунелов призывает, забыв «старые счеты», «национальную нетерпимость» и «антагонизм», совместно устраивать «разумную культурную жизнь» во благо «общего дорогого отечества...».

Статья «Закят», духовенство и школы» была откликом на острую и животрепещущую для горского населения края проблему финансирования учебных, культурно-просветительных, медицинских и прочих учреждений при фактическом отсутствии такового со стороны государства и местных властей. Вопрос этот в начале 1910-х гг. был столь злободневен, что горской общественности Кубани пришлось созвать специальный съезд с участием представителей местной администрации. Ход съезда и развернувшаяся на нем дискуссия выплеснулись на страницы периодической печати. В публичном обсуждении принципиальных вопросов развития национального просвещения и культуры принял тогда участие целый ряд видных общественных деятелей края: С. Сиюхов, А. Намиток, Х. Гагагогу, И. Байрамуков [1, 2, 3, 4]. Ч. Пшунелов приветствовал и горячо поддерживал, приводя собственные убедительные аргументы и доводы, позицию прогрессивной интеллигенции и «нового духовенства», призвав использовать в создавшихся неблагоприятных политико-экономических условиях собираемый «закят» (обязательное для каждого мусульманина ежегодное отчисление части доходов с имущества) в качестве своеобразной общественной кассы, используя его на культурно-просветительные и благотворительные цели и, прежде всего, на открытие учебных заведений. Указав на уже имевшие место в горских селениях случаи подобного расходования нового источника общественных средств, просвети-

тель выражает уверенность и надежду, «...что и другие аулы поспешат последовать их примеру и украсят улицы свои школами-дворцами, дадут своим детям возможность получить образование – насущная необходимость в котором особенно настоятельно ощущается в наш чудный век – век электричества и пара, когда жизнь течет учащенными темпами и когда все спешит накапливать как можно больше культурных ценностей...» [6].

В других, известных нам публикациях Пшунелова этого периода, освещаются те или иные стороны культурной, экономической, общественной жизни и быта односельчан и горского населения вообще, различные аспекты учебно-воспитательного процесса и внутришкольной жизни, на примере, главным образом, вверенного ему учебного заведения.

Статьи, заметки, корреспонденции Пшунелова в периодической печати легко узнаваемы и отличимы своими художественно-стилевыми особенностями от творчества других адыгских авторов начала века. Ему свойственны выразительность слога, лаконизм, своеобразная манера изложения мыслей, отличающаяся нарочитой простотой и лапидарностью, широким использованием характерных оборотов разговорной народной речи, поговорок, афоризмов и т.п., что указывает на основного их адресата, не слишком искушенного в литературе, провинциального, в том числе горского, читателя.

И еще об одном аспекте дореволюционного творчества Ч. Пшунелова. Касаясь, помимо проблем национального просвещения, различных сторон окружающей социальной действительности начала века, публицист рисует в своих статьях достаточно неприглядную и безрадостную картину экономической бедности, малоземелья горцев, упадка среди них традиционных ремесел и промыслов, углубления имущественного антагонизма. Разрешение сложных и острых вопросов и противоречий социально-экономического развития Пшунелов, придерживавшийся, как отмечалось выше, идеологии просветительского гуманизма, считал возможным в рамках и условиях существующего общественно-политического строя. Его публикациям данного периода присущи известная аполитичность, подчеркнутая лояльность официальной власти, отсутствие резких критических выпадов в адрес политического

режима и администрации, которые встречаются в публицистике некоторых его современников – адыгских общественных деятелей последнего предреволюционного десятилетия: Б. Шарданова, С. Суюхова, И. Цея, А. Намитокова. Позиция эта, впрочем, вполне объяснима. Занятие учительством в народных, к тому же «инородческих», школах и проявление политической активности, тем более радикальных взглядов, принадлежность к какой-либо партии или организации были явлениями несовместимыми и немислимыми в условиях существующего режима. Народное учительство считалось одной из наиболее социально-малообеспеченных и бесправных, уязвимых перед произволом вышестоящего начальства и полицейского ведомства категорий населения Российской империи. О незавидном, ущемленном положении народного учителя свидетельствуют многочисленные исторические источники самого различного происхождения [3, 8, 9, 10, 11, 12].

Приведем лишь один, но весьма показательный факт в подтверждение сказанного. В 1911 г., выступая на заседании 11-й Государственной Думы, обсуждавшей законодательство о начальной школе, правый (!) депутат Крупенский утверждал, что в России «...за революционную деятельность были казнены, отправлены в ссылку, уволены без права работы 23000 учителей» [12]. При этом «революционность», которую полицейские органы зачастую приписывали в качестве обвинения, была надуманной, нередко под ней понималась культурно-просветительная работа, общественная активность народного учителя как таковая. Один из современных исследователей проблемы пишет: «...Правительство искореняло любую оппозиционность, не замечая или не желая, замечать оттенков общественного движения. Оно совершало трагическую для себя ошибку, игнорируя грань, разделяющую революционный экстремизм безответственных партий и реформизм сил, видевших будущее в эволюционном развитии страны...» [12]. Вышесказанное позволяет объяснить «политическую корректность» публицистики Ч. Пшунелова – слишком велик был риск оказаться «уличенным» в оппозиционности и отстранения от любимого дела, которому собирался посвятить свою жизнь. Это тем более понятно, принимая во внимание, что лишь единицы педагогов из адыгов трудились в

эти годы в народном образовании области; их катастрофически не хватало так нуждавшимся в просвещении, тянувшимся к свету знаний и культуры соплеменникам. Чувство долга и ответственности перед своими земляками, вероятно, удерживало публициста от чреватой драматическими последствиями публичной конфронтации с властью предрержащими, сознательно ограничивая его литературно-публицистическое творчество рамками просветительского морализаторства.

В период мировой войны, особенно на начальном ее этапе, Ч. Пшунелов занимал патристическую позицию, считая ее (войну) справедливой, оборонительной для России, ставшей жертвой агрессии Германии и ее союзников. Эта гражданская позиция была им ясно выражена в ряде публикаций. Заметим, что таковым было отношение к войне значительной части педагогической общественности России. «В условиях войны учительство заняло оборонческую позицию...», что в апреле 1917 г. признает московский съезд Всероссийского учительского союза, продекларировавший в своей резолюции «право на самооборону за демократиями каждого народа...» [12].

Главным делом своей жизни Ч. Пшунелов считал практическую педагогическую деятельность, отдавая работе во вверенном ему учебном заведении большую часть своего времени, свои душевные силы, профессиональные знания и умения. Его стараниями и заботами не только Урупское нормальное училище, но и собственный гостеприимный дом превратил в эти годы в подлинные очаги распространения культуры и просвещения среди аульчан и жителей двух соседних черкесских селений. Еще в гимназическую пору Пшунелову удалось собрать неплохую библиотеку художественной литературы, постоянно пополнявшуюся после посещения по учительским делам Екатеринодара и Армавира. Он прекрасно знал и любил русскую художественную прозу, отдавая предпочтение реалистическим произведениям Гаршина, Короленко, Куприна, Мамина-Сибиряка. Книжками попроще из обширной учительской библиотеки пользовались приохотившиеся, без помощи своего наставника, к чтению урупские школьники и знакомые с русской грамотой взрослые односельчане. Нередко к нему

обращались за литературой и жители близлежащих русских сел и станиц.

Такова вкратце полигранная деятельность адыгского педагога, просветителя, публициста Чишмая Пшунелова, деятельность, в процессе которой происходило активное становление его мировоззрения, формировались его духовно-нравственные и гуманистические ценности.

Примечания:

1. Байрамуков И. Среди кубанских горцев / И. Байрамуков // Мусульманская газета. – СПб. – 1913. – №29.
2. Белые невольники // Майкопское эхо. – 1915. – №317. – С.3.
3. К вопросу о материальном положении учащихся в начальных училищах //Русская школа. – СПб. – 1907. – №12. – С.86.
4. Намитоков А. Начало / А. Намитоков // Мусульманская газета. – СПб. – 1913. – №13.
5. Пшунелов Ч.Т. Горцы Кубанской области и образование / Ч.Т. Пшунелов // Кубанская школа. – 1916. – №1.
6. Пшунелов Ч.Т. «Закят», духовенство и школы (из жизни горцев) / Ч.Т. Пшунелов // Отклики Кавказа. – Армавир. – 1913. – 6 дек. – №272.
7. Пшунелов Ч.Т. Война и учительство / Ч.Т. Пшунелов // Отклики Кавказа. – 1914. – №282.
8. Положение народных учителей Кубанской области // Северный Кавказ. – Ставрополь. – 1902. – №49. – С.2.
9. Положение учителей – горцев // Майкопская жизнь. – 1911. – №8. – С.3.
10. Сиюхов Сефер – Бей (Абадзех). Среди мусульман / Сефер-Бей Сиюхов // Кубанский казачий листок. – Екатеринодар. – 1913. – 30 июля. – №484.
11. Сиюхов Сефер – Бей (Абадзех). Сделан сдвиг / Сефер-Бей Сиюхов // Кубанский казачий листок. – Екатеринодар. – 1913. – 23 августа. – №502.
12. Сучков И.В. Социальный и духовный облик учительства в России на рубеже XIX-XX вв. / И.В.Сучков // Отечественная история. – 1995. – №1. – С.74.